

МАКСИМИЛИАН
НЕАПОЛИТАНСКИЙ

ПО
ЭМИ
КА

КНИГА ВТОРАЯ

Максимилиан Неаполитанский

Поэмика. Книга вторая

«Издательские решения»

Неаполитанский М.

Поэмика. Книга вторая / М. Неаполитанский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503262-1

В книгу вошли избранные стихотворения, написанные весной и летом 2019 года. «Поэмика» представляет собой лингвистический эксперимент, который связан с осмыслением роли языка в формировании описаний реальности.

ISBN 978-5-00-503262-1

© Неаполитанский М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Поэмика Книга вторая

Максимилиан Неаполитанский

© Максимилиан Неаполитанский, 2019

ISBN 978-5-0050-3262-1 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-9900-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Поэзия пронзает современность. Её параллели проходят через любой временной язык. Любая фраза, дающая импульс – поэзия. В этой всеобщности скрывается сила, которую нельзя побороть.

Поэтические аспекты мироздания будут существовать даже без языка. Наши слова – это всего лишь один из способов выразить то, о чём молчит бытие. В этом нет сложности – человеческое и порождается именно тем, что мы говорим. Мы продолжаем дело *Порядка*, пытаюсь «оживить» мысли. Любые чувства, события, люди, – отразить их на бумаге означает с уверенностью сказать, что они *есть*. Так мы пытаемся спастись, так живёт язык.

Поэзия пронзает современность, так как современность часто забывает о молчании бытия. От забывания появляется ощущение бездомности и отрешённости. Праздность языка тут выражается в наибольшей степени. Стихи же стимулируют язык, заставляют его работать.

Стихи есть только один из видов поэзии. Этот вид стоит расширять. Но расширять до той границы, после которой стихи утратят право называться стихами. Стих, вышедший за границы стиха, вместе с этим выходит за границы языка и перестаёт быть поэзией. Почему? Потому что он утрачивает ту форму, которая дарована ему языком. Есть разные виды поэзии (не только стихи!), однако вид не может отходить от самого себя. Ещё стоит сказать, что выход за границы вида не означает выход из формы. В то же время максимальное отдаление от границ вида, схлопывание, центростремительное движение приводят к бесформенности и обесцениванию. Это намного хуже, чем выход из вида. Поэтому нельзя пересказывать стихи прозой. Если это получается, значит тот или иной стих вышел за границы своего вида (хотя и не потерял формы) и не является больше стихом. Выход за границы – отход от выражения молчания бытия.

Продолжать дело *Порядка* можно и с помощью других видов поэзии. Главное дать импульс, который станет причиной метакогнитивного действия. Из этого можно сделать инструмент или же способ существования. Почему я выбрал стихи? Тут есть некоторая туманность, так как слово «счастье» уже давно перестало что-либо означать. Оно семантически перегружено. Но пока другого слова для выражения чувства тождества со всем миром не придумано, я вынужден сказать, что стихи делают счастье. Они вносят его на человеческий этаж с этажа неопределяемых сфер.

Мы привыкли к слову «поэзия» в узком смысле. Говорят и пишут: поэзия Серебряного века, поэзия без поэтов, поэзия античности и т. д. Чаще всего узкий смысл подразумевает стихи. Это естественное понимание, но всё-таки значение поэзии стоит расширять. Здесь важна роль интерпретации. Стих без импульса намного хуже стиха без смысла. Смысл, надо сказать, изначально уже есть в языке. Первичный смысл не всегда доступен (из-за интерпретаций), однако он всё равно может открыться читателю¹. То, как мы расцениваем различные языковые конструкции, определяется нашей способностью к интерпретации, а также размерами нашего ассоциативного поля. Этим решается сила поэтического импульса. Не только поэт должен пребывать в постоянном удивлении, но и его читатель. Благодаря этому получится расширить значение поэзии.

Теперь я должен немного объяснить вторую «Поэмику». Тут стоит сказать о появлении стихов. Точнее всего это описывает отрывок из книги Дмитрия Быкова о Борисе Пастернаке: «Уже в девятнадцать лет свобода была для него мыслима только „в безумном превы-

---

¹ Тут нужно сделать небольшое пояснение: мне не очень нравится слово «читатель». Точнее будет сказать наблюдатель, а ещё лучше – свидетель. Свидетель поэтического импульса, осознающий то, как молчание бытия становится культурой, то, как человек становится собой, перешагивая через себя, – вот кто такой читатель на самом деле. Однако для уменьшения путаницы я не буду использовать слова «наблюдатель» и «свидетель».

шении своих сил“ – безделья он не выносил и считал его самым антитворческим занятием. Что делать – давать ли уроки, готовиться ли к экзамену, – неважно: мысль начинала работать, когда её ставили в предельно жёсткие условия, почти не оставляя времени на главное». В этом «главном» как раз и скрываются стихи. Благодаря активной созерцательной деятельности достигается наиболее осязаемое тождество с миром. В этот момент мир – молчаливое бытие – начинает говорить. Достаточно просто записывать под его диктовку. Из природного языка рождается понятный нам язык. Язык со знакомыми фразами и выражениями. Повторю: без сосредоточения, без «безумного превышения своих сил» это сделать сложно. Должен быть готов инструментарий – широкий лексикон, направление, потенциал рифм, – и тогда получится то, что можно в полной мере называть стихом. Почти что вся вторая «Поэмика» создана таким образом. Она живёт своей поэтической жизнью, разрезает современность и стремится к наибольшему импульсу, который скрывается в ритме, в отдельных словах и звуках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.